

— Тогда сами идите, я останусь здесь, — поспешно заявил Чжао Дунсян, словно боясь, что его попытаются уговорить присоединиться.

После долгого пути по извилистым коридорам перед Юй Хаохуаем открылось более просторное пространство. На стенах появились несколько керосиновых ламп, слабо освещающих грязную дорогу впереди.

Запах крови стал настолько сильным, что буквально резал нос. Каждый шаг по грязи отзывался эхом в замкнутом пространстве, и трое идущих то и дело окликались друг друга, чтобы хоть как-то успокоить себя.

Вдруг Юй Хаохуай услышал слабый стон впереди. Ускорив шаг, он неожиданно наткнулся на что-то неопишное в повороте.

Трудно было сказать, что именно он увидел — тело или просто кусок мяса.

— Не подходите, — резко произнес он, продолжая двигаться вперед.

Мяо Фан и Е Цзявэнь, находившиеся на повороте, замерли на месте, испуганные его словами.

— С вами все в порядке, офицер Юй? — спросила Е Цзявэнь.

— Вы нашли Цао Цзин? — добавил Мяо Фан.

— Нашел. Не подходите, — повторил Юй Хаохуай, уже приблизившись к Цао Цзин.

Он не мог поверить своим глазам, но инстинктивно присел на корточки.

Кишки, вывалившиеся из брюшной полости, лежали, как влажное тесто, на животе и на земле. Руки женщины беспомощно свисали по бокам, а между пальцами застыли сгустки крови — видимо, она пыталась вернуть кишки обратно.

Цао Цзин уже давно находилась в таком состоянии. Ее лицо приобрело мертвенно-серый оттенок, а тушь для ресниц размазалась от различных жидкостей, создавая жалкий контраст с тем аккуратным макияжем, который был у нее при первой встрече. Юй Хаохуай смотрел на это безжизненное лицо, его дыхание участилось, а грудь наполнилась чувствами вины, раскаяния и боли. Он вспомнил, что у него был шанс спасти ее, но если бы он тогда бросился вперед, не оказался бы он сейчас на ее месте, с распоротым животом?

Юй Хаохуай застыл, глядя на лицо Цао Цзин. Она уже почти не дышала, лишь глаза медленно повернулись в его сторону.

— Прости... Прости, я не знал, что так получится... — шептал он, протягивая руку, чтобы закрыть ей глаза.

— Ааа! — раздался внезапный крик Мяо Фана, который тут же подавил его. — Это... Это Цао Цзин?

Е Цзявэнь, увидев происходящее, опустилась на колени, и слезы мгновенно потекли по ее щекам.

— Как это могло случиться... Как...

Она повторяла эти слова, подползая к голове Цао Цзин и поправляя ей челку.

Внезапно губы Цао Цзин дрогнули.

Е Цзявэнь вздрогнула и с недоверием посмотрела на Юй Хаохуая. Тот мрачно кивнул, его голос был хриплым:

— Только кишки выпали, сосуды и другие органы не повреждены.

— Тогда... Мы можем ее спасти?

Юй Хаохуай горько усмехнулся, словно насмехаясь над собственной беспомощностью.

Даже если бы они могли сейчас уехать, где бы они нашли больницу? Где бы взяли чистую емкость для кишок, чтобы избежать заражения? К тому же, судя по тому, что Цао Цзин пыталась вернуть кишки обратно, и по состоянию брюшной полости, инфекция уже началась.

Е Цзявэнь опустила голову и зарыдала.

Губы Цао Цзин снова дрогнули, и из носа послышался слабый стон. Юй Хаохуай понял, что она хочет что-то сказать, но боялся, что это будут упреки в его адрес. Он наклонился ближе, чтобы услышать ее.

— Лэлэ давно умер, я просто забыла. Я не виню тебя, — еле слышно прошептала Цао Цзин, стараясь произносить каждое слово четко. — Винить надо того бродягу. Он внезапно выбежал, и я остановилась, иначе Лэлэ бы не погиб... Теперь я отправляюсь к нему, наконец-то...

Не договорив, Цао Цзин замерла с открытыми глазами. Е Цзявэнь, увидев это, начала трясти ее голову:

— Сестра, не умирай! Ты же хотела найти своего сына! Ты не можешь умереть!

Юй Хаохуай сдавленно произнес:

— Ее сын давно умер.

— Что?

— Она только что сказала мне, что Лэлэ давно умер, и она сама забыла об этом. Она также сказала, что винить надо бродягу, который выбежал на дорогу, и она остановилась, иначе Лэлэ бы не погиб. Похоже, ее сын погиб из-за того, что она остановилась, и его сбила машина или что-то в этом роде.

Слезы на лице Е Цзявэнь застыли от шока. Даже самый невнимательный человек мог бы заметить, что что-то не так. Юй Хаохуай спросил:

— Ты что-то вспомнила?

Е Цзявэнь бессознательно покачала головой, затем кивнула. Эти противоречивые действия сбили Юй Хаохуая с толку. Вид того, как их товарищ умирает с распоротым животом, вызвал у него чувство гнева, которое он направил на Е Цзявэнь.

Он почти схватил ее, его глаза пылали гневом:

— Что ты вспомнила? Говори!

Знакомый крик, знакомый гнев и ощущение мужской агрессии вернули Е Цзявэнь в тесную комнату, где она чувствовала, как ветер от ремня пронесется мимо нее.

Рядом промелькнула тень, и Мяо Фан, размахивая кулаком, закричал:

— Ты посмел на нее кричать!

Юй Хаохуай быстро среагировал, прижав Мяо Фана к полу. Его голос звучал жестко, но с нотками неуверенности:

— Я не хотел!

В этот момент подошел Чжао Дунсян. Очевидно, он услышал шум и пришел, чтобы разнять их, но, увидев тело Цао Цзин, решил остаться в стороне, лишь повторяя:

— Хватит драться, не время для этого.

Мяо Фан, хоть и был прижат к полу, не сдавался. Возможно, каждый мужчина чувствует необходимость защитить того, кто ему дорог. Его лицо горело от трения о пол, но он выжал из себя:

— Извинись! Извинись перед Е Цзявэнь!

Е Цзявэнь сидела, прислонившись к стене за телом Цао Цзин. Крики двух мужчин доносились до нее, как шум, который она тут же отбрасывала. Эта сцена была настолько абсурдна, что она иногда не могла понять, почему мужчины не могут просто успокоиться.

Причина ее паники была известна только ей. Она не доверяла никому, кроме Сюй Минлана, поэтому раньше не рассказывала другим о своих истинных переживаниях. На самом деле, она согласилась участвовать в афере с уличными хулиганами только потому, что все деньги, которые она заработала тяжелым трудом, были украдены бродягой. Она не раз думала: «Если бы в тот вечер я не пошла по той дороге, бродяга не украл бы мои деньги, я бы не участвовала в афере, и меня бы не исключили из школы...»

И вот теперь Цао Цзин сказала, что ее ребенок погиб косвенно из-за бродяги! Ее первой реакцией был шок. Это было слишком большим совпадением. Они обе потеряли что-то важное из-за бродяги. Может быть, это означает, что «бродяга» — их общая черта!

Подумав об этом, Е Цзявэнь снова засомневалась. Цао Цзин была человеком с сильным характером, и такие люди часто перекладывают вину на других. Возможно, смерть Лэлэ была ее виной, а бродяга — просто совпадение... В конце концов, Юй Хаохуай сказал, что Цао Цзин даже забыла, что Лэлэ умер, и думала, что его похитили. Может быть, у нее были психические проблемы, и можно ли вообще верить ее словам?

<http://bllate.org/book/15403/1361448>